

Папа бросил работу дальнотойщика, чтобы сидеть дома с дочерью, пока мама колесит на своем восемнадцатиколеснике туда-сюда по стране. После флирта и соблазнения Долли и папа встречаются... Но он подмешивает в эту смесь еще одну инцестуальную нотку. Горячо это или нет? Судите сами! Для моих постоянных поклонников, я думаю, вам всем это очень понравится ;) Для тех, кто оценивает мою работу, кто знает! :D Как всегда, комментарии по электронной почте приветствуются. хо DG

Мама проводила двенадцать месяцев в году, пересекая страну в кабине своего фиолетового восемнадцатиколесного грузовика. Я появился на свет во время одной из таких поездок, когда она залетела в спальное место своей большой машины.

Она не помнила, в каком штате. Только то, что он водил автоцистерну, был моложе и, как она всегда добавляла, лучшим в ее жизни.

После моего рождения они встретились на одной стоянке грузовиков. Она тащила меня на руках, и папа сказал мне, что сразу понял, что я его. Он не ошибся, потому что узнал те же отполированные волосы цвета красного дерева в колючем пуху на моей крошечной головке. А позже, как будто мы нуждались в подкреплении, - те же лесные глаза.

"Я знал, что Йована не бросит грузоперевозки, поэтому я остался дома с тобой, а она осталась со своей настоящей любовью. Грузоперевозки", - сказал он мне позже.

Я помню, как путешествовал с ней на летних каникулах. Я возвращался в класс с фантастическими описаниями мест, которые были экзотическими и необычными для нашего юного воображения. Они были бы в восторге от реальных коренных американцев, которые жили в своих резервациях. Я придавал достоверность вещам, о которых мы читали только в учебниках. Гейзер, внезапно вырвавшийся из земли на высоту почти двухсот футов. Бетонные джунгли Нью-Йорка. Для нас это было сложным понятием, потому что мы жили в маленьком городке с двумя трехэтажными домами на короткой главной улице.

"Рону все равно лучше было остаться с тобой, Долли. Ты же знаешь, я - катящийся камень". Она говорила со мной по-сербски, на языке, который всегда звучал сердито. Я говорила на нем только по необходимости. Мама давно уехала из Сербии и никогда не возвращалась, но даже так я могла встретиться с бабушкой и дедушкой. В душе она была водителем грузовика, она жила и любила открытую дорогу. Даже мое имя, Долли, было в честь одной из частей восемнадцатиколесного грузовика.

Я никогда не знал ни ее возраста, ни его, но я знал, что он был значительно моложе ее. То, что он выглядел молодо, было интересно, потому что, когда он забирал меня из школы, его часто принимали за моего брата. Он был высоким и мускулистым от тяжелой работы. Даже сейчас наши волосы были одинакового цвета с пышными густыми локонами. Мои волосы доходили до половины спины, а его были аккуратно подстрижены, чтобы держать кудри под контролем.

После всего этого папа любил маму, и всякий раз, когда она бывала дома, они проводили время в спальне.

Мы были нетрадиционной семьей, и мои друзья либо завидовали, либо жалели меня. Я считала свою жизнь самой лучшей и всегда чувствовала себя любимой.

Я только что с отличием окончила среднюю школу. Через неделю он пришел домой с работы и попросил меня выйти на улицу.

"Тебе уже восемнадцать, и пора бы тебе обзавестись собственной машиной".

"Кабриолет! Спасибо, папочка! Я люблю тебя!" Я обняла его, и он засмеялся, крепко обнимая меня.

Он прошел путь наверх в экскаваторной компании, потому что владелец взял его под свое крыло. Его работа в офисе приносила больше денег и статус в компании. Он также мог брать больше времени на отдых, чтобы ездить с нами.

Как водитель дальнего следования, она могла отсутствовать неделями. Если у нее был рейс через всю страну, вместо того, чтобы возвращаться с бобтейлом, она пыталась найти груз, чтобы вернуться, что иногда могло привести к ожиданию. Я решил взять отпуск перед началом учебы и полетел на встречу с мамой.

Ее фиолетовое такси без прицепа с глубоким гулом выехало из двух штабелей на обочине аэропорта. Я открыла дверь, бросила сумку и забралась внутрь.

"Мама!" Я обняла ее со слезами на глазах, потому что мы так давно не виделись.

"Прости, что пропустила твой выпускной, моя Любава", - сказала она, ее сербский акцент смягчился. "Я очень старалась вернуться".

"Я знаю. Все в порядке. Я просто скучаю по тому, что ты рядом", - сказала я, сдерживая слезы, потому что не хотела, чтобы она чувствовала себя плохо.

Она фыркнула. "Я взяла отгул, чтобы мы могли пройтись по магазинам и поесть в городе. Девчачьи штучки".

"Это здорово. Звучит заманчиво", - улыбнулся я. Мне было все равно, что мы будем делать, мне было достаточно просто провести время вместе. "Я думаю, папа постарается вылететь и вернуться с нами".

"Правда? Черт, я была бы рада этому. Я так по нему скучаю", - тоскливо сказала она, ее черные глаза смягчились от мыслей о нем.

Словно собираясь увидеть его сейчас, она подняла руку и убрала неаккуратную прядь волос в

пучок. Ее блестящие вороньи волосы и большие черные глаза временами казались глубочайшего фиолетового цвета. На Балканах такой цвет был не редкостью, но здесь он встречался редко.

У нее прекрасная темно-оливковая кожа, которую я хотела бы унаследовать. Если она долгое время находилась на солнце, ее кожа становилась бронзовой. Я изучала ее черты лица, и казалось, что она никогда не стареет. Мне было интересно, были ли у нее мужчины, пока она была в дороге. Я знаю, что к ней постоянно приставали. Я знаю, что отец был ей верен. Я бы знала, если бы он не был верен.

Мы провели три дня просто вместе, впервые за все время, что я помню, чтобы мы делали это с мамой. Мы ехали в аэропорт встречать папу. Он ждал на обочине, а я снова забралась в спальное место, или, как я его всегда называла, в игровой домик. В восемнадцать лет для меня это все еще был игровой домик.

В нем была полноразмерная кровать, опускающаяся узкая кровать, раковина, маленькая духовка и плита, комод и душ. Я сидел там часами и раскачивался на дороге, выглядывая через переднюю стенку и наблюдая за миром.

Папа запрыгнул в грузовик. И тут же они набросились друг на друга прямо на обочине во время получения багажа. Они целовались с интенсивностью двух влюбленных, которые были разлучены навсегда. Наконец, раздался гудок, и они отстранились друг от друга. Мамины щеки покраснелись, когда дизель отъехал от обочины и влился в поток машин.

Мы перекусили, пока она не остановилась у места, где есть электричество. Я назвал это ранней ночью, чтобы дать им время побыть вместе, наедине, насколько это было возможно. Я подозревал, что они скоро забудут обо мне в углу на маленькой койке.

Я закрыла глаза и дышала глубоко и ровно, и вскоре услышала их бормотание и шепот. Потом шорох снимаемой одежды, тихое хихиканье и приглушенные стоны. Я приоткрыла глаза. Сквозь тонированное боковое стекло проникало достаточно света, чтобы увидеть белую кожу папы, почти светящуюся в тусклом свете, и мамины темные ноги, обхватившие его. Они говорили тихо, но запах секса был безошибочно различим, их дыхание, становившееся все быстрее и тяжелее, было громким в маленьком пространстве. Я смотрела, как сжимаются и разжимаются мышцы его задницы, пока он вгонял в нее свой член.

Внезапное движение заставило меня быстро закрыть глаза, хотя они никак не могли меня видеть. Когда я снова открыла их, мама лежала на папе. Она протянула руку между ног и обхватила пальцами его толстый член. Он напрягся, пытаясь протолкнуть свой член в нее, но она контролировала ситуацию.

Ее голова откинулась назад, длинные вороньи волосы были распущены и струились по спине к ее попке в форме сердца. Он хрюкнул, она приглушила его, но продолжала дразнить. Его руки лежали на ее груди, не такой большой, как моя чашка D. Даже в тусклом свете я мог видеть, что ее соски были черными и одними из самых больших, которые я когда-либо видел.

Мне было восемнадцать, и я знал, что не должен смотреть на них, но не мог отвести взгляд. Я медленно провела рукой между ног к своей мокрой киске и понемногу раздвигала бедра, чтобы не привлекать внимания.

Вдруг она опустилась вниз, и его член исчез внутри нее. Он зарычал и задвигался, едва не сбив ее с ног. Она скакала на его члене, пока он скакал, ее груди дико подпрыгивали.

Я теребила свой клитор в том же темпе, что и они. Меня возбуждал горячий дикий секс, которым занимались мои родители, пока я теребила свой клитор. Мы собирались кончить все вместе.

Папа кончил первым, мама начала стонать сразу после этого, и я кончила вместе с ними.

Мне нужно было быстро прийти в себя. Я закрыла глаза и почти сразу же заснула.

На следующий день мама должна была заехать на терминал, чтобы забрать груз. Она ловко загнала большой грузовик на место в доке и пошла на регистрацию. Я наблюдала за ней через лобовое стекло со спального места, папа сидел на пассажирском сиденье.

"Долли?"

"Хмм..." Я наблюдала за суетой подъезжающих и отъезжающих грузовиков.

"Ты смотрела, как мы занимались сексом прошлой ночью?"

Я была ошеломлена. Я даже не представляла, что он мог знать.

"Да", - призналась я.

"Тебе понравилось?"

"Да".

"Ты кончила?"

"Да".

Прежде чем я успел извиниться, она снова забралась в грузовик.

"Это не займет много времени, и мы можем ехать". Она заполнила свой журнал, и она была

права, потому что они дали ей добро на то, что ее прицеп загружен, и она начала переключать передачи и заводить его, чтобы выехать на шоссе.

"Сегодня мы остановимся в мотеле, Долли", - сказал папа.

"Хорошо. Можно я буду спать в грузовике?"

"Нет, нельзя", - сказала мама. "Это небезопасно в незнакомом месте".

<http://erolate.com/book/2665/62770>